

Всю ночь лил дождь. На следующее утро небо было синим-синим, будто вымытым, но температура воздуха оказалась намного ниже, чем обычно.

Тянь Яо потерял руки. Пора уже планировать шить зимнюю одежду. Так, наверное, и устроена жизнь — день за днём, и сам не знаешь, чем занят, а время идёт.

В этот раз он встал одновременно с Юй Яном. Сейчас они стояли во дворе — один сидел, другой стоял — и умывались.

— Сегодня пойдёшь куда-нибудь? — Юй Ян принял полотенце, которое протянул ему Тянь Яо, и вытер лицо.

— Нет. Схожу навещу Лю Чжи. — В прошлый раз, когда он заходил к Лю Чжи, у них дома было шумно. Последние дни он тоже был занят — не успел навестить его. Сегодня как раз хотел зайти.

Они с Юй Яном позавтракали, и Тянь Яо уже собрался выходить, но тут Лю Чжи сам пришёл к нему. Чтобы избежать лишних разговоров, Юй Ян попросил Тянь Яо перенести его обратно в комнату, оставив двоих гэров разговаривать во дворе.

— Как это ты сегодня нашёл время прийти? — Они сели за низкий столик во дворе, и Тянь Яо налил ему воды.

— В тот день у нас дома было беспокойно, мы толком и поговорить не успели. — Лю Чжи сделал большой глоток. — У тебя-то как дела? Я слышал, Тянь Лю приходил к тебе скандалить.

Тянь Яо кивнул и рассказал ему о том, что случилось вчера. Лю Чжи был человеком вспыльчивым, он хлопнул ладонью по квадратному столу:

— Бесстыдники! Кто ж не знает, на что они зарились!

— Хватит о них. А у тебя-то что дома стряслось?

— Всё та же моя золовка. Опять прибежала: деверь снова загулял. Хочет, чтобы старший брат и мой Чэнь Сюй пошли заступаться за неё.

Тянь Яо задумался:

— Это уже пятый раз?

— Вот именно! Свёкор со свекровью говорят: если совсем не вмоготу — разводись, семья не обеднеет кормя её. А она — нет. У мужа скандалит, к родителям бежит скандалить. У свекрови эти дни голова болит — я за ней ухаживаю, только сегодня вырвался тебя проведать.

В деревне Хуайлин большинство жителей носили фамилию Тянь, но были и другие. Семья мужа Лю Чжи носила фамилию Чэнь. Чэнь Сюй был младшим сыном, у него была старшая сестра и старший брат. Сестру звали Чэнь Ли, она была замужем в соседней деревне.

Надо сказать, что того самого Чжао Цина, который среди ночи забрался в дом к Тянь Яо, сосватала ему именно старшая сестра Чэнь Сюя — она была посредницей.

Поэтому потом, когда Лю Чжи одолжил Тянь Яо полсвязки монет на свадьбу, семья Чэнь не возражала.

Они немного поболтали, потом Лю Чжи встал:

— Я тебе одну хорошую новость скажу.

Тянь Яо проводил его до ворот.

— Я беременен.

Тянь Яо: !!!

— Поздравляю! — Он тут же протянул руку потрогать живот Лю Чжи, но тот пока был плоским — ничего особенного нащупать было нельзя.

— А вы с твоим когда собираетесь заводить детей? — Лю Чжи посмотрел на его двор. Прибавилось ещё человек да собака, а всё равно как-то пустовато. Может, на будущий год, когда появятся дети, станет веселее.

Лицо Тянь Яо покраснело, но он, как всегда, говорил с Лю Чжи без утайки:

— Мой муж сказал, что за три года двоих надо родить. А мне кажется, и одного хватит. Как думаешь?

В комнате Юй Ян отчётливо слышал их разговор.

— Всё-таки двое лучше, — рассмеялся Лю Чжи. — Ты же любишь, когда народу много?

Тянь Яо, помня, что Лю Чжи беременен, не слушал его отказов, проводил до дома. Ещё издали было слышно, как у них опять шумят. На этот раз Тянь Яо не стал ждать снаружи, а зашёл вместе с Лю Чжи внутрь.

— Мама! Он на этот раз перешёл всякие границы — прямо привёл женщину в дом и говорит, что возьмёт её в жёны наравне со мной! — Из комнаты доносился пронзительный плач Чэнь Ли. — Вы не можете меня бросить!

Лю Чжи переглянулся с Тянь Яо и вздохнул:

— Ты иди.

Тянь Яо кивнул, но не ожидал, что у Чэнь Ли такой тонкий слух. Она услышала их голоса, распахнула дверь и, глядя на Лю Чжи, принялась его отчитывать:

— Ты с утра пораньше не дома, старших не обслуживаешь, целыми днями пропадаешь неизвестно где, ты...

Она не успела договорить — увидела Тянь Яо, стоящего рядом с Лю Чжи, и голос у неё сам собой стал тише.

Она сама видела, во что тот превратил Чжао Цина. Лицо распухло, как у свиньи, руки сломаны, ноги чуть не перебиты. После того как она это увидела, её несколько ночей подряд мучили кошмары. И только когда она поняла, что Тянь Яо не собирается идти войной на их дом, постепенно успокоилась.

Тянь Яо расплылся в улыбке:

— Старшая сестра, может, помочь — побить зятя? Обещаю, после одного хорошего удара он сразу уgomонится.

Лицо Чэнь Ли постепенно исказилось в гримасу:

— Не... не надо.

Лю Чжи схватил Тянь Яо за руку, чтобы не рассмеяться, и изо всех сил сжал её.

Тянь Яо с невинным видом продолжал:

— Сестрица, ты же сама хотела, чтобы брат Чэнь и другие заступились за тебя? А я предлагаю решить вопрос раз и навсегда: сделаем с зятем кое-что с его кое-чем — и он больше никуда шастать не будет.

У Чэнь Ли лицо задёргалось:

— Не надо, правда не надо.

— Это я лучше всех умею. Не верите — спросите у того Чжао Цина из деревни зятя, он знает.

Чэнь Ли больше не могла терпеть. Она крикнула что-то в комнату и поспешно ушла.

Лю Чжи переглянулся с Тянь Яо, но, вспомнив о стариках в доме, не смог рассмеяться в

полный голос.

Вернувшись домой, Тянь Яо, словно рассказчик, пересказал всё Юй Яну. Юй Ян молча смотрел на него, и от этого взгляда у Тянь Яо по коже мурашки побежали.

Тянь Яо принялся анализировать своё поведение. Он совершенно забыл, что сегодня утром говорил при Лю Чжи. Неужели Юй Яна так сильно задел эти слова — совсем уж выходящие за всякие рамки?

Юй Ян вздохнул. Он-то прекрасно помнил, что Тянь Яо говорил сегодня утром у себя во дворе: «За три года — двоих родим».

— Ты всё-таки гэр, не говори, что в голову взбрeдёт.

Тянь Яо: ???

Он надул губы:

— Если бы она не пристроила сваху ко мне в дом, этот ублюдок не полез бы ко мне среди ночи, и я бы не избил его до полусмерти и не отдал потом все свои серебряные монеты его семейству. Я же только языком поболтал.

Юй Ян выслушал его и понял, что они говорят о разном — у кошки хвост, у собаки нос*. Он не стал ничего объяснять, а, услышав эту историю, вспомнил о тех слухах, которые ходили раньше.

— Что там на самом деле случилось?

Тянь Яо, всё ещё кипя от злости, сказал:

— Когда траур кончился, ко мне повалили свахи. Видели, что я один-одинёшенек, пороги у меня чуть не вытоптали. Последним пришёл ко мне Чжао Цин.

— Говорил он лучше, чем пел. Я сказал свахе, что подумаю. А в ту ночь он тайком забрался в мой дом, хотел меня обесчестить. Я избил его до полусмерти, а его семейство пришло ко мне в дом, выли и голосили. Сказали: или плати, или в суд пойдём. Я и заплатил.

Юй Ян нахмурился — и из-за того, что случилось с Тянь Яо, и из-за того, что он сам так легко поверил слухам.

— В этой истории ты пострадавший. Почему...

— Я гэр, — вздохнул Тянь Яо. — Они дали мне выбор: или платить, или выходить за него замуж.

Конечно, я не хотел жениться на таком распутном ничтожестве. Потом пришли старосты наших двух деревень, обсудили и решили, что я плачу серебром.

Но я не думал, что семья Чжао окажется такой бессовестной — взяли мои серебряные монеты и ещё повсюду плетут обо мне гадости.

Выражение лица Юй Яна было очень сложным. Он вспомнил, что и сам поверил слухам, а потом, вспомнив всё, что Тянь Яо сделал для него за это время, почувствовал ещё большее чувство вины:

— Почему ты не прояснил ситуацию?

— А зачем? — с безразличием сказал Тянь Яо. — Те, кто меня знает, всё равно не поверят. А те, кто поверил, всё равно не будут иметь со мной дела. Зачем мне тратить слова, чтобы их переубеждать?

Юй Ян смотрел на него, и потрясение в его душе было огромным. Вот такой гэр — с открытой душой, честный и прямой. А тот, кто смотрел на него через призму сплетен — то есть он сам, — и есть самый мелочный и ничтожный человек.

— Прости меня.

Неожиданные извинения сбили Тянь Яо с толку, но он всё равно честно ответил:

— Ничего страшного.

Тянь Яо перенёс Юй Яна во двор, положил ему на колени плед, а сам принялся разбирать нарубленные дрова.

Некоторые дрова не успели убрать в дом вчера вечером, и они отсырели. Тянь Яо переносил их на сухое место. Следующие два дня, должно быть, будут солнечными — пусть просохнут, лучше, чем сгниют.

— Скоро зима, нужно будет шить зимнюю одежду. Я хотел было в этом году сложить кан, но денег не хватило, да и времени уже нет. А если будущим летом кан сложить, то будет дешевле.

— Почему? — Юй Ян перебирал лекарственные травы в кладовке. Раньше Тянь Яо всё приносил в одну кучу, не сортируя, и теперь всё перемешалось. Юй Яну, делать было нечего, и он понемногу их разбирал.

— Кому же летом придёт в голову кан складывать? Это же жара невыносимая. — сказал Тянь Яо. — Летом у мастеров мало работы, они и берут недорого.

— У тебя же ещё больше десяти лян осталось. Разве не хватает? — спросил Юй Ян.

— Эти серебряные монеты — тебе на... — Тянь Яо проговорился и поспешно зажал рот рукой.
— В общем, когда я тебе в прошлый раз отдавал, ты не взял. Не надо тебе знать, куда идут мои деньги, ладно?

Уголки губ Юй Яна чуть приподнялись в улыбке:

— Хорошо, не буду.

Тянь Яо, довольный, кивнул:

— Давай сегодня есть хот-пот? Я соберу всё, что осталось на огороде. Холодает, больше там ничего не вырастет. Ещё мне нужно будет в посёлок сходить, купить всего на зиму. В Хуайлине зимой такие холода, что люди в основном на кроватях сидят.

Закончив говорить, он перевёл взгляд на ноги Юй Яна:

— Интересно, как твои ноги будут чувствовать себя зимой? Не слишком ли трудно придётся? А когда весна наступит, поедem лечить ноги.

— Если я ещё чувствую боль — это хорошо. Если бы они ничего не чувствовали — тогда бы и правда были безнадежны.

— Тьфу-тьфу-тьфу, не каркай. Вылечатся. Как весна настанет, я пойду на подработку в другом месте, всегда можно заработать на лечение твоих ног. — Тянь Яо закончил с дровами, встал и направился к огороду.

Видов овощей на его огороде было немного — несколько кочанов пекинской капусты, ботва редьки уже пожелтела, зато сама редька выросла белая и пухлая. Собрав урожай, Тянь Яо разровнял грядки, взял медяки и пошёл в деревню — к дяде Ци, который делал тофу. Купил тофу и кожуру-тофу, потом зашёл к мяснику и взял цзинь мяса. Вернувшись домой, нарезал мясо тонкими ломтиками.

У него ещё оставалось немного кабаньих костей. Он, как учил маленький папочка, засолил их крупной солью и повесил в кухне. Сейчас он их немного промыл и бросил в котёл. Через некоторое время бульон снова стал белым, как молоко.

Он порылся в кладовке и нашёл горшок для хот-пота, который когда-то давно принадлежал всей их семье. Маленький папочка очень любил есть хот-пот. Раньше, когда они жили все вместе, они даже летом ели его, обмахиваясь веером. После того как они умерли, Тянь Яо остался один и больше никогда не доставал этот горшок.

Белый, как молоко, бульон из свиных костей весело булькал. Тофу проварился так, что весь стал как пчелиные соты, внутри пропитался бульоном. От слегка солоноватого вкуса, разыгрался аппетит. Тянь Яо приготовил для них обоих соус для макания. В этом соусе овощи, которым не хватало солёности, становились гораздо вкуснее.

— Я сделал так, как учил маленький папочка. Наша семья раньше часто это ела. — Тянь Яо вспомнил, как в детстве у маленького папочки в пиале с соусом было что-то ярко-красное. Маленький папочка никогда не давал ему этого попробовать. После его смерти Тянь Яо больше никогда не видел ту красную вещь.

— Очень вкусно, — Юй Ян впервые похвалил его кулинарное мастерство.

— Если нравится, будем чаще есть, — Тянь Яо захихикал. — Весной я заново перекопаю огород и посажу побольше овощей. А ты что больше любишь?

— Кинзу.

Лицо у Тянь Яо сморщилось, как пампушка:

— Нет, это нельзя!

п/п:

«У кошки хвост, у собаки нос» (□□□□□□, lǚ chún bù duì mǎ zǔ). Китайская идиома, означающая полное несоответствие, несогласованность — «разговор о разном», «ни вяжется».

<http://bllate.org/book/17624/1640705>